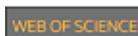

Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» / Н. В. Чаунина // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 232—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-232-241.

Chaunina, N. V. (2019). Features of Embodiment of Communicative Strategies in I. Brodsky's Poem "Speech Over Spilled Milk". *Nauchnyi dialog*, 6: 232-241. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-232-241. (In Russ.).

УДК 821.161.1Бродский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-232-241

Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке»

© Чаунина Наталья Владимировна (2019), orcid.org/0000-0002-8999-4800, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в г. Нерюнгри (Нерюнгри, Россия), chaunin@mail.ru.

Статья посвящена одному из стихотворений И. Бродского 1967 года. Представлен анализ поэтического текста сквозь призму коммуникативных стратегий. Теоретико-методологической основой послужили работы Ю. И. Левина, О. С. Иссерс, И. Н. Борисовой и др. Выявлено, что коммуникация как обмен информацией особым образом представлена в художественном тексте. Она является звеном, связующим автора и его потенциальную читательскую аудиторию. Причем адресант обладает разной степенью проявленности: коммуникативные интенции бывают открытыми, скрываются в подтексте, а могут и вовсе материально не выражаться. В статье рассмотрены разновидности коммуникативных отношений, зависимость их от «образа адресата», содержания и целеустановки. Делается вывод о том, что эффективность взаимодействия напрямую связана с выбранной коммуникативной стратегией. Более подробно рассматриваются три универсальные разновидности стратегий: регулятивная, диктальная, модальная. Новизна предпринятого исследования обусловлена подходом к анализу стихотворения Бродского с точки зрения реализации коммуникативных интенций. На основе подробного анализа тематической, композиционной, мотивно-образной, коммуникативной структуры поэтического текста обозначены принципы реализации той или иной стратегии, пояснены возможные предпосылки к их использованию, предлагается свой вариант интерпретации смыслов.

Ключевые слова: Бродский; лирика; коммуникация; стратегия.

1. Введение

Коммуникация как научный феномен является предметом изучения дисциплин разных направлений: культурологии, философии, психологии,

лингвистики. Это позволяет говорить о междисциплинарном характере явления.

В широком смысле под коммуникацией понимается обмен информацией между индивидами через посредство общей знаковой системы. Составляющие компоненты коммуникативного акта — адресант, адресат, само сообщение, код (средства передачи сообщения), канал связи, результат.

В процессе осуществления социальной коммуникации особое внимание уделяется содержательной стороне передаваемой информации, интенциям, реализующимся в цепочке «отправитель — получатель».

Особая разновидность коммуникации — «художественная, связывающая между собой художника (или художественный коллектив) и зрителя (аудиорию)» [Словарь практического психолога, 1998, с. 177].

Л. Н. Толстой в эссе «Что такое искусство?» (1897—1898), характеризуя понятие «искусство», отмечал, что это «одно из средств общения людей между собой <...> воспринимающий вступает в <...> общение с производившим или производящим искусство и со всеми теми, которые <...> его восприняли или воспримут то же художественное впечатление <...>. Особенность же этого средства общения <...> состоит в том, что словом один человек передает другому свои мысли, искусством же люди передают друг другу свои чувства» [Толстой, 1951, с. 63—64].

Позиция Л. Н. Толстого перекликается с положениями теории коммуникативной интерпретации произведений искусства. Эти идеи получили дальнейшую глубокую проработку как художниками слова (особенно поэтами Серебряного века), так и теоретиками в области языкознания и литературоведения (Ю. Лотманом, М. Бахтиным, Ю. Левиным и др.).

Таким образом, диалогическая природа «продукта» художественного творчества — доказанный факт.

Что же дает анализ коммуникативных интенций литературного произведения?

2. «Коммуникативный инструментарий» анализа художественного текста

Вслед за Г. А. Токаревой мы считаем, что «коммуникативный подход в изучении художественного текста» позволяет «осмыслить художественную коммуникацию как особый, ценностно ориентированный способ общения человека с самим собой и с “другим”. Кроме этого, коммуникативистская методология позволяет прояснить эволюционные процессы в сознании авторов <...>, выявить стилевые доминанты творчества <...>, уточнить их мировоззренческие позиции» [Токарева, 2017, с. 46]. Е. С. Палеха

разделяет эту точку зрения, отмечая, что «коммуникативный подход <...> позволяет проанализировать особенности самовосприятия, самооценки автора и способы создания его коммуникативного имиджа в пределах лирического дискурса» [Палеха, 2010, с. 241].

По мнению Ю. Левина, «любой текст, устный или письменный, является элементом некоторого — реального или потенциального, единичного или множественного — коммуникативного акта и характеризуется некоторым коммуникативным статусом, зависящим как от внутренних особенностей этого текста, так и от характера его внешнего функционирования» [Левин, 1998, с. 464].

Поскольку взаимодействие предполагает наличие участников, можно выделить внешнюю, внутреннюю и промежуточную коммуникацию. Первая разновидность характеризует отношения «текст-автор», «текст-читатель» и связана с прагматической сферой. Вторая предполагает внутритекстовое погружение в систему персонажей, их взаиморасположение, характер отношений. Промежуточная (интенциональная) коммуникация нацелена на определение цели создания текста, выявление образа автора и потенциального читателя, исходя из характера данного текста.

Отдельного разговора заслуживает коммуникативный статус лирического стихотворения, которое также является сообщением, предназначенным для некоего адресата, поэтому, как и любой текст, является элементом потенциального коммуникативного акта. Отсюда обязательное наличие двух компонентов: автора (в лирике он чаще всего имплицитен) и адресата (имплицитного или эксплицитно выраженного). Имеет адресата и текст, построенный как монологическое рассуждение, казалось бы, ни к кому не обращенное. Здесь можно говорить об автокоммуникации, то есть самоадресованности. Интересно, что в этом случае можно обнаружить скрытые интенции к конкретной персоне, которой по ряду причин невозможно ничего «сказать в лицо».

Коммуникация напрямую зависит как от «образа адресата», так и от целевой и прагматической установки собеседников. Таким образом, можно говорить о коммуникативной стратегии, диктующей речевое поведение. По наблюдению И. Н. Борисовой, коммуникативная стратегия в широком смысле «понимается как сверхзадача речи», определяемая говорящим. Это «способ реализации замысла, она (стратегия. — *Н. Ч.*) предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата» [Борисова, 1999, с. 85—86]. «Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу по-

строения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов» [Иссерс, 2008, с. 54].

Классификационные основания коммуникативных стратегий разнообразны. Их специфические особенности подробно рассмотрены в работах О. А. Крыловой, О. С. Иссерс и др. [Иссерс, 2008; Современные проблемы филологии, 2008 и др.]. В рамках данной статьи нам интересна классификация, отражающая интенции адресанта и включающая следующие виды стратегий: регулятивная (цель — вызвать изменения в широком экстракоммуникативном контексте ситуации); диктальная (цель — информировать собеседника о фактах и событиях объективной реальности); модальная (цель — выразить чувства, оценки, предпочтения). Данные разновидности близки к когнитивным, поскольку также воздействуют на поведение, образ мыслей и шкалу ценностей коммуникантов. Эти стратегии являются универсальными, могут быть представлены в смешанном виде.

3. Особенности воплощения коммуникативных интенций в лирике И. Бродского.

Рассмотрим особенности реализации коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» (1967).

Стихотворение строится как цикл из 40 восьмистиший, объединенных установкой на «речение», обозначенное в заголовке. Таким образом, мы имеем дело с жанром ораторской речи, причем, следуя традиционной классификации, неконвенционального типа, ибо реакция воспринимающего субъекта непрогнозируема и в тексте стихотворения не представлена.

Особого внимания заслуживает тематическая установка, заложенная в заголовке стихотворения. Пролитое молоко традиционно соотносится с неприятностями, ожидаемыми или свершившимися, малозначительными или глобальными. В подтексте кроется отсылка к известной английской пословице *Нет пользы плача над пролитым молоком*, русский аналог которой — *Слезам горю не поможешь, былого не воротить*. Так осуществляется авторская заданность угла восприятия и трактовки лирического текста: как истории многочисленных потерь, над которыми однако же не стоит долго скорбеть — надо двигаться дальше.

Стихотворение-цикл разделено на три неравные части. Первая и третья часть являются собой композиционную и тематическую «раму».

Первые девять восьмистиший представляют рефлексии лирического героя о своем настоящем положении: поэт-маргинал, «с пустым карманом», брошенный невестой, но выше всего ценящий свою независимость

и личную неприкосновенность (*Я вообще отношусь с недоверьем к близким* [Бродский, 1992, с. 175]).

По наблюдению И. Романовой, «лирический субъект у Бродского на протяжении всего творчества сохраняет постоянные личностные черты <...>. Можно с уверенностью говорить о наличии образа лирического героя Бродского. Этот образ проявляется фрагментарно и сочетается с темой разрушения» [Романова, 2010, с. 7].

Мы находим подтверждение сказанного в тексте. Здесь встречаются упоминания о тюремном прошлом, причем автор говорит не о двухлетней ссылке, а о пожизненном тотальном контроле властей: *Двадцать шесть лет непрерывной тряски, / рытья по карманам, судейской таски, / ученья строить Закону глазки, / изобразить немого* [Бродский, 1992, с. 175]. Несмотря на то, что времена «Пугача» и Стеньки давно позади и пора бы успокоиться, озлобленный герой ведет свою войну — с безденежьем, бытовыми и личными неурядицами, виной которым — эпоха. Известно, что после возвращения в Ленинград в России Бродского практически не печатали, отдельные стихи выходили в периодике. Украдкой удавалось передавать рукописи зарубежным редакторам. В США вышли несколько поэтических книг. Но на родине — немота. Основным источником дохода оставалась переводческая деятельность (подробнее об этом см. [Лосев, 2008, с. 127]). Поэтому и карман пустой, и в гостях не ждут, и невеста оставила, и в канун праздника — горькая злоба на жизнь, которая *идет как по маслу* только у *массы* [Бродский, 1992, с. 175].

Коммуникативная стратегия, выбранная лирическим героем-оратором, колеблется от диктальной (в монологе сменяют друг друга скорбные факты потерь) до модальной (текст пронизан едкой иронией, выступающей как единственное орудие защиты уязвленного самолюбия). Сам оратор выступает в разных ипостасях: индивидуалиста, поэта, проклинающего свое ремесло, жениха, заключенного, изгоя, нищего, что и подтверждают слова о парадоксальном существовании.

К концу первой части эмоциональный накал стихает: свет горящей в чужом окне лампы, шорох «кладущего попопу» снега, ночная мгла словно врачуют пострадавшую душу, по-прежнему ощущающую себя отверженной (*дома стоят, как чужие* [Бродский, 1992, с. 176]).

Вторая часть стихотворения — самая объемная и насыщенная смыслами. С первых строк Бродский задает провокационный тон: *Равенство, брат, исключает братство <...> / Рабство всегда порождает рабство. / Даже с помощью революций* [Там же]; *Последние* (министры. — Н. В.) *плоды морфинистов* [Там же]; *Маркс в производстве не вяжет лыка* [Там

же] и т. д. Здесь мы имеем дело с разоблачением революционных идей, бравадных лозунгов, порожденных фанатиками-коммунистами. А борьба «Труда-Капитала» признается бессмысленной и обрекает последователей на нищету и сиротство. Альтернатива — союз (равноценный брачному). На ярких примерах автор убедительно доказывает, что часть — хуже, ущербней и уязвимей целого: *Каждая единица / по существу — девица. / Она желает объединиться. / Брюки просятся к юбке* [Там же, с. 177], *Не конкуренции, но Союзу / принадлежит прекрасное завтра* [Там же]; *Есть влечение между полами. / Полюса создают планету* и т. д. [Там же]. Налицо использование воздействующей и регулятивной стратегий, цель которых — убедить «брата» в необходимости построения гармоничного, материально обеспеченного будущего, символически воплощенного в образе младенца.

Дальше лирический герой нарочито спохватывается: *Неужто я против законной власти? <...> / Мне хватает скандальной славы* [Бродский, 1992, с. 178]. Оратор снова примеряет образ поэта и поясняет свою позицию — нравописателя при плохой политике. Возвращается тема денег, но сейчас они уподобляются добродетели (ибо добываются в труде: *Деньги похожи на добродетель* [Там же]) и парадоксально равноценны словам: деньги на ветер — слова на ветер. Лирический герой не метит в проповедники — ему ценней самосовершенствование, которое опять-таки выделяет его из массы, поскольку «несовместимо с братством, равенством» (*Я занят внутренним совершенством <...> У меня нет общего интереса. / Но скорость внутреннего прогресса / больше, чем скорость мира*) [Бродский, 1992, с. 179]. Обнаруживается опровержение начального посыла второй части — призыва к единению, но это оправдано потребностью общества в «лучших сынах», в противном случае власть попадет в руки психопатов и наркоманов, сторонников лозунга «Религия — опиум для народа» [Бродский, 1992, с. 181]. Религиозный «дурман» сменился опьянением власти. Именно эпидемия антидуховности порождает смертоубийство и, в конечном счете, катастрофическое крушение мира.

Модальная коммуникация реализуется за счет риторических восклицаний: *Православные! Это не дело. / Что вы смотрите обалдело?!* [Там же]; религиозно-культурной лексики: *Спаситель, Святая Мария, Христианство, Божье Тело, Бог, лампы* и др., использования антиномий, в том числе контекстуальных: *равенство — братство, капиталисты — коммунисты, труд — капитал, проповедник — слесарь* и т. д. Лирический герой-обличитель «собирает улики» и напоминает об ответе перед Великим судом.

Третья часть «Речи» замыкает «Рождественско-Новогоднюю» тему, обозначенную в самом начале лирического повествования. Здесь модальная стратегия достигает максимального выражения. На первый план выходят инвективы. Отправной точкой становятся тюремные воспоминания героя. Нарастает ощущение уязвимости и страха: *Я себя оиущаю мишенью в тире / вздрагиваю при малейшем стуке* [Бродский, 1992, с. 182]; *Ночь в меня целит рогами Овна* [Там же]; *Меня ловят багром и дырявой сетью* [Там же]. Но в то же время в каждой строчке звучит провокационный вызов обидчикам: *Я сижу на стуле, тряусь от злости. / Не желаю искать жемчуга в компосте! / Я беру на себя эту смелость! / Пусть изучает навоз, кто хочет* [Бродский, 1992, с. 183]; *Я дразню гусей и иду к бессмертью <...> / Выносите святых и портрет Генсека!* [Там же]. Предмет обличения явно и рискованно обозначен — власть. Здесь автор говорит не только от имени опального поэта, но от лица всех жертв тотального террора: *Ночь в меня целит <...> словно Сталин в XVII-ый съезд из «тулки»*. Вероятно, упомянутая «тулка» (старинное русское ружье) в руках Сталина актуализирует бинарную оппозицию «охотник — жертва». Строка содержит отсылку к известному факту: на XVII съезде ВКП(б) делегация из Тулы вручила Иосифу Сталину винтовку. Приняв подарок, Сталин стал рассматривать зал заседания через оптический прицел (одна из сохранившихся фотографий Сталина представляет собой кадр из кинохроники). Кроме того, этот съезд 1934 года впоследствии получил название «съезд расстрелянных», поскольку большинство его участников пали жертвой Большого террора в 1937—1939 годах.

Праведному гневу обреченного на нищету и прозябание в безвестности поэту нет конца. Пыл не охладит ни сугроб, ни душещипательные беседы «яснопольной хлебобрезки» с его непротивлением злу насилием (очевидная и весьма грубая отсылка к толстовским идеям). *Зло существует, чтоб с ним бороться* [Бродский, 1992, с. 183] — вот непреклонная позиция лирического героя. Резким контрастом звучит противопоставление красоты русской природы и русского мужика — обмельчавшего, слабого духом, терпеливого «ясного сокола».

Яростный обличительный накал третьей части неожиданно сменяется ощущением меланхолии. Однако автор заканчивает свою «Речь» «фольклорной точкой». Как будто издалека доносится нежно-прозрачная народная песня, жизнеутверждающая и вселяющая надежду на возрождение. «Финал снимает раздражение, детство девочки оказывается тем, что может примирить с жизнью» [Гаврилова, 2008, с. 126]. Не случайно возникает и образ бересклета — символа успеха и творческого вдохновения [Медоуз, 2001, с. 218].

4. Заключение

Подводя итог, можно отметить следующие особенности использования Бродским коммуникативных стратегий:

1. Кольцевая композиция. Здесь кольцо выступает рефреном, обыгрывающим тему предрождественского / предновогоднего подытоживания прожитой жизни. Подобное возвращение к началу усиливает заданный посыл — скорби по утраченному («пролитому молоку»), виной чему — произвол властей.

2. Первая, вступительная, часть стихотворения-цикла построена на принципах диктальной, информирующей стратегии. Автор погружает читателя в атмосферу 1967 года — эпохи тотального цензурного контроля и забвения молодого поэта-изгоя, обреченного на нищету и прозябание.

3. Вторая часть представляет собой рефлексию: вечные темы переплетаются с острыми вопросами советской идеологии. Здесь диктальная стратегия дополняется модальной. Но автор еще пытается найти рациональные варианты решения обозначенных противоречий. Выход он видит в обращении к христианству.

4. В третьей части модальная стратегия трансформируется в регулятивную. Используя инвективные выпады, грубо-просторечные оценки, лирический герой буквально бросается на борьбу со злом, воплощенным в пособниках и самом лидере Большого террора. Эмоциональный накал третьей части достигает буквально аффективного выражения. Герой в бешенстве громит всех стоящих на пути гуманистов (в том числе и Л. Толстого), едко высмеивает бывших русских богатырей, терпеливо утирающих слезы от нанесенной обиды. Но, достигнув максимальной точки, гнев резко сменяется затишьем — то ли от усталости, то ли от безысходности. Однако завершающие строки, имитирующие народную песню, знаменуют надежду на изменения к лучшему, возрождение творческого вдохновения и общественного признания.

Литература

1. *Борисова И. Н.* Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1999. — Вып. 2. — С. 81—96.

2. *Бродский И. А.* Форма времени : стихотворения, эссе, пьесы : в 2 томах : Т 1 : Стихотворения / И. А. Бродский. — Минск : Эридан, 1992. — 480 с.

3. *Гаврилова Н.* «Серенада отца», или Образ ребенка в поэзии И. Бродского / Н. Гаврилова // Русская литература в XX веке : имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 9 : «Отцы» и «дети» в русской литературе XX века. — Томск : Томский университет, 2008. — 273 с.

4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : ЛКИ, 2008. — 288 с.

5. *Левин Ю. И.* Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю. И. Левин // Избранные труды : Поэтика. Семиотика. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — С. 464—482.
6. *Лосев Л.* Иосиф Бродский : опыт литературной биографии. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 479 с.
7. *Медоуз К.* Магия рун / К. Медоуз ; пер. с англ. К. А. Савельева. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 320 с.
8. *Палеха Е. С.* Поэтический текст в рамках коммуникативного подхода (на примере стратегии самопрезентации в поэтическом дискурсе Н. Гумилева) / Е. С. Палеха // Ученые записки Казанского университета. — 2010. — Том 152, кн. 6. — С. 241—151.
9. *Романова И. В.* Поэтика Иосифа Бродского : лирика с коммуникативной точки зрения : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / И. В. Романова. — Смоленск, 2007. — 44 с.
10. *Словарь* практического психолога / сост. С. Ю. Головин. — Москва : АСТ, Харвест, 1998. — 301 с.
11. *Современные* проблемы филологии [Электронный ресурс] / О. А. Крылова, Е. Н. Ремчукова, Г. Н. Трофимова, О. С. Иссерс. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2008. — Режим доступа : http://web-local.rudn.ru/web-local/ueм/iop_pdf/186-Krylova-Remchukova.pdf.
12. *Токарева Г. А.* Структура лирического субъекта древнегреческой лирики в свете теории коммуникаций / Г. А. Токарева // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 5. — С. 46—51.
13. *Толстой Л. Н.* Что такое искусство? / Л. Н. Толстой. — В книге : Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1951. — Т. 30: Произведения 1882—1898 гг. — С. 27—206.

Features of Embodiment of Communicative Strategies in I. Brodsky's Poem "Speech Over Spilled Milk"

© Natalya V. Chaunina (2019), orcid.org/0000-0002-8999-4800, PhD in Philology, associate professor, Department of Philology, Technical Institute (branch of) North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov in Nerungri (Nerungri, Russia), chaunin@mail.ru.

The article is devoted to one of I. Brodsky's poems of 1967. The analysis of the poetic text is presented through the prism of communicative strategies. Theoretical and methodological basis is the works by Yu. I. Levin, O. S. Issers, I. N. Borisova et al. It is revealed that communication as an exchange of information is presented in a special way in the literary text. It is a link between the author and his potential readership. Moreover, the addressee has a different degree of manifestation: communicative intentions can be open, hidden in the subtext, and can not be expressed at all materially. The article deals with

the variety of communicative relations, their dependence on “image of an addressee,” content and purpose. It is concluded that the effectiveness of interaction is directly related to the chosen communicative strategy. Three universal types of strategies are considered in more detail: regulatory, dictal, modal. The novelty of the study is due to the approach to the analysis of Brodsky’s poem in terms of the implementation of communicative intentions. On the basis of a detailed analysis of the thematic, compositional, motivic-figurative, communicative structure of the poetic text, the principles of the implementation of a particular strategy are outlined, the possible prerequisites for their use are explained, and a version of the interpretation of meanings is proposed.

Key words: Brodsky; lyrics; communication; strategy.

References

- Borisova, I. N. (1999). Kategoriya tseli i aspekty tekstovogo analiza. In: *Zhanry rechi. 2*. Saratov: Kolledzh. 81—96. (In Russ.).
- Brodskiy, I. A. (1992). *Forma vremeni: stikhotvoreniya, esse, p’esy. 2/1*. Stikhotvoreniya. Minsk: Eridan. (In Russ.).
- Gavrilova, N. (2008). «Serenada ottsa», ili Obraz rebenka v poezii I. Brodskogo. In: *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kulturnyy dialog. 9: «Ottsy» i «deti» v russkoy literature XX veka*. Tomsk: Tomskiy universitet. (In Russ.).
- Golovin, S. Yu. (ed.). (1998). *Slovar’ prakticheskogo psikhologa*. Moskva: AST, Kharvest. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi*. Moskva: LKI. (In Russ.).
- Krylova, O. A., Remchukova, E. N., Trofimova, G. N., Issers, O. S. (2008). *Sovremennyye problemy filologii*. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov. Available at: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/186-Krylova-Remchukova.pdf. (In Russ.).
- Levin, Yu. I. (1998). Lirika s kommunikativnoy tochki zreniya. In: *Izbrannyye trudy: Poetika. Semiotika*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 464—482. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Iosif Brodskiy: opyt literaturnoy biografii*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Medouz, K. (2001). *Magiya run*. Moskva: FAIR-PRESS. (In Russ.).
- Palekha, E. S. (2010). Poeticheskiy tekst v ramkakh komunikativnogo podkhoda (na primere strategii samoprezentatsii v poeticheskom diskurse N. Gumileva). *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*, 152(6): 241—151. (In Russ.).
- Romanova, I. V. (2007). *Poetika Iosifa Brodskogo: lirika s kommunikativnoy tochki zreniya: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Smolensk. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2017). Struktura liricheskogo subyektva drevnegrecheskoy liriki v svete teorii kommunikatsiy. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5: 46—51. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1951). Chto takoe iskusstvo? In: Tolstoy, L. N. *Polnoye sobranie sochineniy*. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 30: 27—206. (In Russ.).